

АННА
ДАНИЛОВА

КОГДА ОСТАНОВИТСЯ
СЕРДЦЕ

Москва

Эффект

МОТЫЛЬКА

РОМАНЫ ВНЕ СЕРИИ:

Когда меня не стало
Девушка по вызову
Волчья ягода
Черное платье на десерт
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Миф Коко Банча
Этюд в розовых тонах
Защита адвоката (Плюшевый свидетель)
Услуги особого рода
Комната смеха
Японская молитва
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Правда о первой ночи
Нирвана с привкусом яда
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Хроники Розмари
Солнце в черном небе
День без любви
Печальная принцесса
Персиковый мед Матильды
Дождь тигровых орхидей
Сердце химеры
Алый шар луны
Девять жизней Греты
Шестой грех
Звезды-свидетели
Призраки знают все
За спиной — двери в ад
Любовница не по карману
Незнакомка до востребования
Тринадцатая гостья
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветы предательства
Грех и немножко нежно
Если можешь — прости
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре

Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Любовь насмерть
Миллион для Коломбины
Неаполитанская кошка
Два лица Пьеро
Париж на час
Умри, богема!
Черная перепелка
Прости меня, твою убийцу
Звериный профиль
Тайна церковной мыши
Тени в холодных ивах

АДВОКАТ ЕЛИЗАВЕТА ТРАВИА

1. Одинокие ночи вдвоем
2. Смерть отключает телефон
3. Меня зовут Джейн
4. Витамин любви
5. Две линии судьбы
6. Когда остановится сердце
7. Аромат желания
8. Красивая, богатая, мертвая
9. Пожиратели таланта
10. Серебряная пуля в сердце
11. Ангел в яблоневом саду
12. Из жизни жен и любовниц
13. Прекрасный возраст, чтобы умереть
14. Приговоренный к жизни
15. Признание грешницы
16. Дом на берегу ночи
17. Мишень для темного ангела
18. Убийство в соль минор

ЖЕНЯ БРОННИКОВА

1. Комната для трех девушек
2. По дороге в синий лес
3. Земляничное убийство
4. Во всем виноваты кувшинки
5. Мелодия убийства
6. Назначаю тебя палачом
7. Три ступени до ада
8. Смертельные объятия
9. Золотая устрица
10. Лесная кукла
11. Декорации смерти
12. Маленький дорожный роман
13. Роковое решение

АННА
ДАНИЛОВА

КОГДА ОСТАНОВИТСЯ
СЕРДЦЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Редактор серии *А. Осминина*

Оформление серии *А. Зининой*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Когда остановится сердце : [роман] / Анна
Данилова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-223741-6

Казалось бы, у известной киноактрисы Людмилы Дунай множество поклонников и она купается в любви. Но лишь некоторые догадываются, что в жизни Людмилы нет ничего, кроме работы... Муж предал, дочь отвернулась. Судьба приготовила ей новое испытание... Однажды Людмила приходит в себя в загородном доме подруги с ножом в руке. А рядом — мертвые тела хозяйки дома, приятеля и банкира Шекина, который приехал увидеться с Дунай, так как влюбился в нее без памяти...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Текст, Дубчак А.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-223741-6

*Все события, происходящие в романе,
вымышлены, любое сходство с реально
существующими людьми случайно.*

1. 2010 г.

Григорий, Ольга Дунай

— Ты не истери, сядь, успокойся, выпей, наконец, холодной воды... Ну и что, что не тебе дали эту роль? Ты прекрасно знала, какой жизнью живут актрисы, сама выбрала себе свой путь, сама видела, что не всегда у твоей матери было все гладко, представляешь себе, каково это — быть невостребованной... в начале карьеры... Но меня-то ты, обыкновенного строителя, не послушала, погналась за славой, захотела стать такой же, как твоя мать, — богатой и знаменитой и что в конце получила? Сплошное разочарование... Между прочим, смею тебе напомнить, что не все еще потеряно! И ты можешь еще поступить в любой технический или гуманитарный вуз...

— Па!!! — Оля швырнула в него одну из десяти разложенных на кровати юбок. Плис-

се, гофре, отделанные кружевом, короткие джинсовые, длинные шелковые, пышные шифоновые, всех цветов радуги...

Это был уже не первый разговор отца с дочерью, но на этот раз он проходил особенно нервно и как-то серьезно. Конечно, тот факт, что дочке в ее двадцать с небольшим не дали роль, о которой она грезила, не смертельный. С ее-то внешними данными и талантом, который она унаследовала от матери, у нее еще будут роли. Но вот почему-то именно сейчас Григорий стал замечать, как Оля просто на глазах начинает превращаться в маленького капризного монстра, которому надо подать все и сразу.

— Пойми, ты уже взрослая и моих денег все равно не хватит на то, чтобы тебе дали главную роль... Я имею в виду, что я не в состоянии стать спонсором какого-нибудь фильма, чтобы иметь право ставить условия... Возможно, на будущий год у меня и появятся лишние деньги, которые я смог бы вложить в какой-нибудь кинематографический проект. Но только не сейчас.

— Конечно, ты же купил своей новой жене дом в Испании, откуда же у тебя возьмутся деньги?!

— Во-первых, сейчас дома в Испании подешевели, и эта цена по сравнению со стоимостью фильма просто смехотворна. Во-вторых, не забывай, что только благодаря ее отцу я получил эту строительную фирму... Не знаю, как ты, но я очень благодарен Ксении за все, что они с отцом для нас сделали. Оля, еще раз прошу тебя, одумайся, успокойся. Вот увидишь, пройдет еще немного времени и какой-нибудь режиссер или продюсер, который случайно увидит несколько кадров того, первого сериала с твоим участием, заметит, вернее, вспомнит тебя и сразу же позвонит. К тому же ты не забывай, что и у режиссеров и продюсеров есть какие-то свои личные пристрастия, симпатии, наконец, любовницы среди актрис. Ты же не маленькая девочка, ты должна все понимать.

— Хочешь сказать, что моя мама спала с режиссерами фильмов, в которых она снималась? — Глаза дочери блеснули холодным блеском презрения, и Григорию снова стало не по себе.

— Оля, не передергивай. Ничего такого я не думаю. Твоя мама была очень одаренной актрисой, и многие фильмы снимались именно под нее, ты это прекрасно знаешь.

Поэтому ей не надо было спать, как ты выражаешься, ни с кем... Она была звездой.

— Пап, но я ведь — точная ее копия, и играю я не хуже, тогда почему меня не зовут? Не приглашают? Играть в театре — это, конечно, неплохо, но мне никто не даст там главную роль, понимаешь? Никто. Я так и буду там постоянно играть служанок или девушек из толпы. И вообще, в кино-то прославиться легче, согласишься. Экран — это такая волшебная вещь... Люди смотрят на тебя, и им кажется, что они тебя знают давно и что ты для них — близкий человек.

Оля вздохнула. Тряхнула своими темными кудрями и подняла на отца ясные карие глаза с черными точками зрачков. Григорий вдруг почувствовал себя как-то нехорошо, словно на него взглянула Людмила, его погибшая жена, — настолько они с дочерью действительно были похожи.

— Приведи в порядок комнату, а заодно и мозги, — посоветовал он ей. — И не переживай так. Вот увидишь, все образуется. И постарайся не заикливаться на том, что вы с мамой похожи. Не надо. Иди своей дорогой, ищи свои роли и не старайся на нее походить в манере играть...

Он знал, что говорил. Ольга целыми днями смотрела фильмы с участием матери, весьма эмоционально комментировала ее игру, то восхищаясь, то откровенно насмехаясь над отдельными сценами, что выводило его из себя. Словно она и теперь, после смерти матери, продолжает ревновать к ее, как ей тогда казалось, успешной судьбе. Иногда ему так и хотелось ей сказать: «Оля, не оглядывайся на мать, ты же знаешь, как она закончила свою жизнь, поэтому иди вперед и думай только о будущем. И играй так, как чувствуешь ты, а не так, как играла бы твоя мать. Ты — другой человек...»

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, — сказала Ольга. — Сравниваешь меня с мамой.

И даже эта фраза была произнесена ею ревностно, как если бы между ними продолжала стоять Людмила. На самом же деле дело было не в ревности, а в другом, более опасном чувстве — Оля попросту завидовала матери даже после ее смерти. Ведь фильмы с ее участием шли постоянно то на одном, то на другом канале, да и эта история в Поварове, которая первые месяцы освещалась в прессе едва ли не каждый день, значительно подогрела интерес зрителей к Людмиле Дунай —

роковой красавице, успешной актрисе, погибшей при таких странных обстоятельствах...

Григорий и сам не мог понять, как могло случиться, что он, человек больше всего на свете ценящий душевное спокойствие, женился на женщине, с которой по определению не смог бы прожить и дня без того, чтобы не приревновать. Где были его глаза, когда он делал ей, настоящей красавице и студентке кинематографического вуза, предложение? Разве он тогда не мог предвидеть, каким будет этот брак? И что вокруг молодой жены постоянно будут виться мужчины? Звонки, письма, записочки, опасное ожидание на лестнице в надежде получить автограф... Что она будет часто отсутствовать — репетиции, спектакли, съемки, гастроли, вечеринки? Для кого-то это просто голые слова, а для Григория жизнь с Людмилой была настоящей пыткой и наслаждением одновременно. За счастье обладания красивой девушкой ему приходилось расплачиваться постоянно. Иногда, когда она все же проводила вечер дома, готовила ли ужин или просто играла с кошкой, его охватывало чув-

ство настоящей щенячьей радости, и ему, взрослому мужику, хотелось ходить за ней по пятам или не отпускать ее руку, словом, ему просто необходим был физический контакт, словно он подсознательно всегда боялся, что она вырвет эту самую руку и сбежит от него, растворится в толпе поклонников и никогда к нему, обыкновенному парню, не вернется.

Первые годы их брака они снимали комнату на Цветном бульваре, в старом желтом доме с грязноватыми потеками под крышей, вонючими внутренними дворами с живописными помойками. Когда же на свет появилась Оля (Людмила к тому времени уже успела дважды сняться в кино, где играла главные роли — невесту бандита, ловко маскировавшегося под следователя прокуратуры, и молодую жену лесника, борющегося с браконьерами), перебрались в доставшуюся Григорию от бабки двухкомнатную квартиру на Спортивной, рядом с Новодевичьим монастырем. Григорий работал в строительной фирме, прилично, как ему казалось, зарабатывал, Людмила же все свои гонорары откладывала на трехкомнатную квартиру. Тогда это им, еще молодым и полным сил, казалось самым важным — расширить про-

странство и переселиться поближе к центру. Именно в это время, когда Людмила была особенно хороша и светилась, казалось, любовью к ней миллионов мужчин, ревность Григория жгла его особенно сильно, почти невыносимо, но и в этой своей боли он все еще находил прелесть обладания красивой и желаемой многими мужчинами женой.

После родов решено было взять няню, поскольку предложения сниматься в кино следовали одно за другим и отказываться от работы было просто глупо. И так получилось, что место жены в доме заняла молоденькая хохлушка Танечка, которая и за ребенком присматривала, и обед готовила, и прибиралась в доме, а спустя пару месяцев стала любовницей Григория. Как же она отличалась от Людмилы! Конечно, она была не так красива, но сносно привлекательна. Если Людмила была высокой стройной шатенкой с золотистыми глазами и сумасшедшим носиком-уточкой, который просто завораживал и делал ее лицо особенно нежным и беззащитно-трогательным, то Татьяна имела круглое румяное лицо, крупные, как у коровы, черные глаза, прямой невзрачный нос и тонкие губы. Крашенные желтые воло-

сы, постриженные под каре, были прямые и блестящие. Невысокая, с широкими бедрами и низкой талией, она тем не менее считала себя невероятной красавицей, а потому голову держала высоко, задрав подбородок, и грудь выпячивала так, что автоматически прибавлялась пара размеров, да и речь у нее была уверенной, как у людей, которые даже под страхом смерти не признаются в том, что на самом деле они все о себе знают и вполне адекватно себя оценивают.

Словом, близость с хозяином, то есть с Григорием, подняла Татьяну в собственных глазах довольно высоко, а потому ей ничего не оставалось, как возомнить себя его любимой женщиной. Ей и в голову не могло прийти, что ее используют по всем пунктам ее женского естества, довольно скромно оценивая ее роль в жизни этой семьи и жизни лично Григория.

Не заметить этот роман было невозможно, и вот в один не прекрасный день Людмила сказала мужу, что догадывается о его связи с няней (тем более что ей всячески стараются подкинуть доказательства; так, к примеру, Татьяна, дура, уже в который раз оставляет

в кармане ее, Людмилиного, халата использованные презервативы и трусики).

— Гриша, я все, конечно, понимаю. Но я-то тебе не изменяю, я работаю как лошадь. И ты прекрасно знал, что женишься на актрисе. Если тебе уж так тяжело в течение длительного времени находиться без женщины, то найди себе другую жену, которая поджидала бы тебя дома с борщами и при твоём появлении, еще в прихожей, снимала трусы. Но запомни, дочь я тебе не отдам, она моя, и скорее она будет ездить со мной на съемки, чем я позволю отдать ее на воспитание такой вот украинской шлюхе.

Григорий тогда страшно испугался. Он, тихо и подло изменяя жене, все же надеялся сохранить свою связь в тайне и уж никак не собирался разводиться с женой, нарушать привычный жизненный уклад и тем более расставаться с дочерью! Как же ему удобно было и с Таней, и с Людой, он, пригретый обеими женщинами, намеревался и дальше жить так же, уверенный в своей безнаказанности. Однако он ошибся, полагая, что Татьяна, эта хитрая хохлушка, тщательно прокладывая себе путь в благополуч-

ное замужество, ограничится ролью няни-любовницы. Она, оказывается, действовала. Подкладывала улики в хозяйский халат, как мины замедленного действия. И ждала скорейшей развязки. Как поведет себя хозяйка? Что наговорит хозяину? Хлопнет дверью и уйдет, оставив ему квартиру? Мол, забирай себе все, мне ничего не надо, я и сама себе заработаю! Главное, чтобы дочку не оставила. Что ей делать здесь, девчонке — маленькой копии Людмилы, в этом медовом раю, когда она и сама может народить Григорию двоих, а то и троих детишек?

Как же она старалась заменить ему жену, эта Таня. Какие супы и пельмени готовила, какие пекла пироги! А как ухаживала за ним, когда он болел? Разве что рядом не лежала, чтобы забрать часть высокой температуры, впитать в себя все вирусы!

Пожалуй, она вела себя как влюбленная женщина. Хотя что мешает и стерве прикинуться влюбленной по уши душой?

Григорий покаялся перед женой и очень быстро, скомкав тяжелый разговор с любовницей, превратив его в жалкое подобие объяснения, как-то чрезвычайно легко разорвал с ней отношения. Причем зарплату выдал

прямо у двери, стараясь не смотреть ей (еще недавно такой близкой и дорогой, чего уж там!) в глаза. Дверью она хлопнула так, что звук эхом отдался где-то на верхних этажах подъезда.

Людмила же, проглотив это предательство и найдя в себе силы простить мужа, приняла на работу другую няню, причем не старую и страшную, как можно было бы ожидать в данной ситуации, а молоденькую и страшно исполнительную девушку Надю. Из чего Григорий сделал вывод, что жена не особенно все-таки им дорожит, потому что предполагать, что она после всего случившегося станет доверять ему, было бы нелепо.

Однако с Надей романа не было, и слава богу. Григорий все эти годы, что за ним по-хозяйски присматривала Надя, был ухажен, сыт и с удовольствием следил за карьерой своей жены. Он уже привык к тому, что его все реже и реже приглашают на презентации ее фильмов, не сопровождал он жену и на телевизионные шоу, как это делали мужья других актрис. Нет, он жил своей, немного обособленной и очень семейной жизнью, понимая, что занимает в жизни жены

далеко не первое место. Однако он чувствовал, что Людмила так же, как и он, дорожит своей семьей и, пусть видимым, покоем и комфортом. Она не раз говорила ему, что знание того, что дома ее ждут сытые и здоровые муж и дочь, придает ей сил и она может спокойно работать. Ей, как любой нормальной женщине творческой профессии, были нужны няньки, люди, которые выполняли бы за нее дома всю грязную работу, готовили еду, следили, чтобы все ходило чистыми и ухоженными, и не приходилось прилагать к этому никаких усилий. В сущности, это было правильно, если не считать того, что Григорий с каждым годом все больше чувствовал себя той самой нянькой, но никак не любимым мужем. К тому же, хоть между ними и было принято, что он доверяет жене и что не верит сплетням о ее романах (как правило, романы сочинялись журналистами и представляли собой спроецированные в реальную жизнь любовные истории из фильмов, в которых снималась Людмила Дунай), на самом же деле он понимал, что его обманывают, что Людмила изменяет ему если не с режиссером, то с актером, а может, и оператором или осветителем...

В тяжелые минуты одиночества, когда ему хотелось женского тепла и ласки, он готов был уже звонить каким-то своим знакомым из «бывших», но всякий раз, представив себе, куда могут завести их отношения, отказывался от этой затеи. Он слишком дорожил домом, налаженным бытом и душевным состоянием маленькой Оли, любимой и единственной дочери.

Тем не менее они все же развелись. Этот смерч под названием страсть, которая охватила в общем-то инертного и спокойного Григория, разрушил семью, можно сказать, за один день.

Оказавшись (в кои-то веки!) приглашенным на вечеринку в честь приезда одной немецкой актрисы, он целый вечер стоял в сторонке, потягивая ледяное шампанское в обществе стройной блондинки с зелеными глазами, пока не понял, что безумно хочет эту женщину. Что вот хочет сорвать с нее зеленое тонкое платье, впиться губами в ее розовые полные губы и овладеть ею где-нибудь здесь же, в укромном уголке или даже в туалете... Такое с ним случалось второй раз в жизни. Первый раз примерно такие же

чувства он испытал к совсем еще юной Людмиле.

Он сначала робко на нее посматривал, наслаждаясь зрелищем прекрасного женского тела, нежного лица и светлых блестящих локонов, потом взгляд его стал более уверенным, а к концу вечера он был просто пьян от любви к этой даме, которую, как он выяснил, звали Ксения. Он был настолько переполнен чувствами, что перестал следить за своей женой, которая в облегающем платье из черного атласа все же исчезла из его поля зрения...

Познакомившись с блондинкой, он мысленно уже сто раз позвал ее с собой в машину, хотя вслух говорил ей какие-то глупые вещи о пузырьках в шампанском или о том, насколько эта актриса, ради которой и собралось все это разодетое в пух и прах общество, хороша даже в свои шестьдесят... Каково же было его удивление, когда блондинка, вдруг перебив его, сказала, отвернувшись от него настолько, чтобы он все же мог услышать ее слова:

— Я жду вас в своей машине... — и назвала номер машины.